

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ (ИЗ ОПЫТА ФРАНЦУЗСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ)

Янушевич И.И.

Одним из сложнейших вопросов в изучении истории Французской и Октябрьской революций чрезвычайно запутанным и противоречивым является вопрос государственно-церковных отношений. Не смотря на существенные социально-политические различия двух эпох, в реализации государственной конфессиональной политики мы находим много общего, а порой даже идентичного. Проблематика Французской революции в России, СССР была сопряжена с идеологической и политической борьбой. Революция стала органическим элементом нашей политической культуры. Большевики не только приняли на вооружение методы своих французских предшественников, но и повторили их многие ошибки. И во Франции и в России произошли кардинальные изменения в положении церкви.

Исследованию событий 1789-1799 гг. уделялось и уделяется большое внимание [1]. Среди зарубежных авторов необходимо назвать также Алексиса де Тарквилья, который в своей работе «Старый порядок и революция» посвятил религиозной тематике две главы [2]. Советская историография, в связи с постоянной апелляцией к революционному прошлому Франции, базировалась на официально признанной концепции соотносимой с трактовкой событий Октябрьской революции и дальнейшего строительства социалистического порядка [3]. На постсоветском пространстве возможность полноценного исследование государственно-церковных отношений в СССР появилась только в конце 1980-х гг. [4]. В белорусской историографии по периоду 1917-1939 гг. имеется целый ряд работ. В. Новицкий исследовал развитие всей конфессиональной ситуации в БССР [5]. Священник Феодор Кривонос провел максимально полное

исследование проблем репрессий священников Минской епархии [6]. Т. Процько подвергла тщательному анализу процесс ограничения свободы вероисповедания в условиях формирования административно-командной системы [7]. Вопросы государственно-церковных отношений рассматривали в своих работах А. Круглов, М. Корзун, И. Янушевич [8].

Сложность и значимость Французской и Октябрьской революций в истории человечества определяют методологию исследования, основой которой является диалектическая теория познания, фундаментальные выводы исторической науки, принципы конкретно-исторического и комплексного исследования, научные принципы исторического познания — историзм и объективность. Принцип историзма исходит из положений диалектической логики и предполагает рассмотрение фактов и исторических событий в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, в их взаимной связи и обусловленности. Любое общественное явление следует изучать в развитии, как оно возникло, какие имело главные эволюционные этапы и чем становится в определенный момент времени. Необходимо видеть явление не изолированно, а в связи с другими, и определять его место в системе общественных отношений. В целом следует учитывать, выявлять взаимовлияние, взаимозависимость, взаимообусловленность исторических явлений, что позволит вжиться в историю, понять мотивы поступков, дать им оценку исходя из существующих в определенный момент реалий. Принцип объективности основывается на изучении закономерностей, которые определяют процессы общественно-политического развития, на рассмотрении каждого явления в его противоречивости и многогранности с учетом всех фактов в их совокупности – положительных и отрицательных, независимо от того подтверждают они существующее мнение или нет. Понимание истории общества как объективного и закономерного процесса развития требует тщательного накопления и изучения фактов в их истинном содержании, не искажая, не подгоняя под заранее созданные схемы, что позволяет избежать субъективности в оценке исторического события.

Кроме общих методологических принципов необходимо применять и конкретные методы исторического исследования: общенаучные, собственно исторические и специальные. К общенаучным относятся исторический, логический методы и метод классификации. Использование исторического метода обусловлено необходимостью воспроизведения исследуемого явления как процесса в развитии со всеми его общими и индивидуальными чертами. Этот метод позволяет установить историческую последовательность процесса генезиса изучаемого явления, его генетические истоки. К собственно историческим методам исследования относятся синхронно-логический, позволяющий раскрыть взаимосвязь одновременных событий, и метод периодизации, который дает возможность выявить изменения качественных особенностей и установить моменты этих изменений. К этой же группе относятся сравнительно-исторический и структурно-системный методы. Первый имеет целью установить общие тенденции и выявить пути их развития. Второй позволяет восстановить процесс по выявленным его типичным свойствам и показать закономерности его развития. Логический метод позволяет, опираясь на данные конкретно-исторического исследования, установить то, что было скрыто за несущественными и случайными фактами. Именно логический метод в совокупности с методом социальной психологии позволяет установить глубинные причины религиозности населения и проблемы распространения атеистического мировоззрения. Метод классификации помог определить направления государственной церковной политики, сгруппировать подобранный материал и систематизировать его хронологически [9, с 47-54].

И Французская и Октябрьская революции внешне стремились более к возрождению человечества, чем к проведению внутригосударственных реформ. Для реализации грандиозных планов требовался новый тип человека, с абсолютно свободно управляемым мышлением и запрограммированным мировоззрением, поэтому для нововведений необходимо было расчистить «строительную площадку». Во Франции

XVIII в. роковую роль сыграла антирелигиозная в своей основе философия. Наряду идеями естественного равенства людей, суверенитета народа, единообразия законов философы «обрушили удар на духовенство, церковные институты, иерархические структуры и догмы, и чтобы окончательно их разрушить, они возжелали искоренить самые основы христианства» [2, с.13]. Согласно догматам коммунистического учения церковь и религия должны были быть уничтожены. «Ликвидация религии – как иллюзорного счастья народа, – по словам К. Маркса, – есть требование его настоящего счастья» [10, с. 414].

Одним из первых шагов Французской революции была атака на Церковь. Тоже происходило и в Советской России. После прихода к власти новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы своих оппонентов. В первую очередь это касалось и религиозных организаций. Запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Всячески ущемляя, вытесняя из жизни общества прежнюю систему образования, ее идеологическую основу политическое руководство страны начинает на место веры в Бога усиленно пропагандировать атеизм и веру в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов», некий аналог культа Свободы, Равенства, а затем и Верховного Существа, весной 1794 г. провозглашенного Робеспьером, выступившим одновременно в роли первосвященника «гражданской религии» [11, с.237]. С установлением советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Вместо икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения – распевание революционных песен.

Декретом СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» передавалось рассмотрение этих вопросов

гражданской власти. Все эти мероприятия должны были первым делом быть зафиксированы в органах местной власти, и только после этого мог пройти обряд крещения, венчания, либо отпевания усопшего.

Отодвигание религиозных обрядов на второй план либо попытки их полной ликвидации наталкивались на сопротивление населения. Антирелигиозникам пришлось противостоять громадному количеству людей с их давно устоявшимися традициями и обычаями. «Религия и Церковь в России, – как отмечал в те годы православный ученый-историк А. Корташев, – подчинила своему вдохновению высшие достижения русской духовной культуры, ставшей мировой: литература, искусство и философская мысль были в своих глубинных достижениях христиански-православными» [12, с. 21]. Наиболее неприемлемой для христианского сознания была не экономика коммунизма, а мораль, требующая беспощадного истребления врага.

К VIII съезду РКП(б) Н. Бухарин в «Азбуке коммунизма» обосновал один из главных постулатов большевистской программы: «Религия и коммунизм не совместимы ни теоретически, ни практически» [13, с. 166]. Однако в руководстве партии к 1919 г. многие, в том числе В.И. Ленин, отчетливо осознавали, что одними резкими выпадами против церкви вопрос не решить. Это нашло отображение в постановлении VIII съезда: «РКП(б) руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и содержательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой отрицание религиозных предрассудков. Действовать надо организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [14, с. 112]. Несмотря на данное программное решение партии, ни сил, ни средств для подобной работы в 1919 г. в стране не было. Крайне мало имелось атеистически настроенных партийцев и комсомольцев, пригодных для такой кропотливой деятельности. На местах предпочитали либо резкие административные меры, либо вообще не занимались этим вопросам.

Формирование монополии в идеологической сфере требовало ликвидации оппонентов, в религиозной сфере – священнослужителей, активных прихожан, разрушение структуры церкви, ее экономического потенциала. Духовенство во Франции лишалось всех своих привилегий, отменялась десятина, церковная собственность конфисковывалась. Русская Церковь, как крупный землевладелец, располагающий значительными материальными ресурсами, являлась весьма опасным противником для Советской власти. Уничтожение экономического базиса и организационной структуры должно было, по мнению лидеров компартии, привести к самоликвидации религиозных организаций. Большевики пошли по пути максимального ограничения хозяйственной деятельности духовенства и церковноприходских советов. У религиозных общин были отобраны все богослужебные здания, проведено изъятие финансовых средств и ценностей. Властями создавались чрезвычайно трудные условия для функционирования храмов и отправления культа.

Экономический кризис и во Франции, и в России был сильнейший. Обе революции остро нуждались в финансовых средствах. Изъятие церковных имуществ имело целью не только улучшение финансового положения в стране, но и улучшение того же финансового положения власти и отдельных ее представителей и, что самое страшное, явилось поводом для физического уничтожения священников и прихожан. Террор в отношении противников становится для революционеров из средства защиты орудием удержания власти. Человеческие жизни в расчет не принимались. Террор в начале революций как выражение чаяний определенных слоев населения, способ устрашения врагов в дальнейшем становится органической составляющей государственного управления. Задача уничтожения большевиками того же православного духовенства, в особенности руководства Церкви, в условиях смертельной схватки за власть, «красного террора», формирования репрессивных органов представлялась актуальной и вполне, несмотря на все кощунство, реальной. Ведь необходимо было ликвидировать «все-то» 148

епископов [15, с. 466], 450 000 священников и дьяконов [16, с. 35], 92 000 монахов и монахинь [15, с. 466]. Гражданская война как ничто иное подходила для «зачистки». Первым иерархом РПЦ павшим от рук красных безбожников стал митрополит Киевский Владимир. Пока мы не знаем имен и обстоятельств гибели многих священников и членов их семей, но и известные случаи поражают своей звериной жестокостью (священнослужителей четвертовали, закапывали живыми в землю, выжигали глаза). Белорусские клирики, испив чашу горестей немецко-польской оккупации, частой смены власти, все же до 1921 г. находились в более безопасном, в плане выживания, положении, чем их братья в РСФСР и Восточной Украине. Наличие близкой границы и нестабильность ситуации не позволяли большевикам применять крайние формы. Трагическими стали для клира 1921-1922 гг. Страшнейший голод в Поволжье явился поводом для полного изъятия церковных ценностей. Даже если подвергнуть сомнению данные протоиерея М. Польских о том, что уже в 1922 г. было расстреляно только в Минской епархии 49 священников, то все равно мнимое сопротивление изъятию ценностей станет в дальнейшем поводом для возбуждения большого количества уголовных дел и в первую очередь над митрополитом Минским и Слуцким Мельхиседеком. По мере укрепления Советской власти репрессии против православного клира начали носить системный характер. Аресты и высылки на 3-5 лет изредка чередовавшиеся с расстрелами в 1920-е гг. в 1930-е гг. вылились в сплошной поток расстрелов по приговору «троек» и высылки на десять лет [6, с. 34-116].

Еще одним аспектом схожести развития государственно-церковных отношений были ситуация перед революциями и их итоги. Христианство во Франции вызывало к себе столь горячую ненависть не как религиозная доктрина, а как политический институт, где священники – сеньоры, собственники, получатели налогов регламентирующие повседневную жизнь [2, с. 14]. В царской России православие было государственной религией, Церковь – частью административно-управленческого аппарата. Наблюдался

духовный регресс, упадок церковной жизни «на фоне серой, казенной, связанной бюрократическими путами действительности» [6, с. 10].

Таким образом, итоги антицерковной деятельности в обоих случаях стали для ее исполнителей достаточно неожиданными. По мере того как духовенство освобождалось от всего того, что составляло его внешнее благополучие, могущество церкви прирастало духовно в сердцах и умах. Откровенные гонения на церковь, в глазах недовольного политикой руководства страны населения, только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. Нигилистически настроенная русская интеллигенция после 1917 г. вернулась в храм, обратилась к вере, а крестьяне, посмеивающиеся ранее над попом и посещавшие богослужения по привычке, ценой своей жизни старались спасти своего духовного отца и сохранить православную жизнь. Революции породили достаточно сильное атеистическое движение, не с лучшей стороны повлиявшей на духовно-нравственное состояние общества. Хотя если взять по аналогии с продолжительностью Французской революцией десятилетие советского безбожия не принесло сколько-нибудь существенных результатов. Религиозность населения не уменьшалась. Процент верующих был высок даже в Красной Армии и комсомоле. Весной 1928 г. Секретарь ЦК КП(б) В. Кнорин констатировал: «Сейчас мы наступаем на религию, а поп и ксендз наступают на нас. Мы с трудом удерживаем те позиции, которые имели несколько лет назад, мы, отступаем от этих позиций» [17, л. 26.]. Поэтому уже 1929 г. большевики приступили к массовому закрытию храмов, арестам и расстрелам священников. В отличие от Франции в СССР безбожный эксперимент длился до 1990-х гг.

Список использованных источников:

1. *Матъез, А.* Французская революция / А. Матъез. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1995. – 576 с., *Фюре, Ф.* Постигание Французской революции / Ф. Фюре. – СПб.: Инапресс, 1998. – 217 с.
2. *Тарквиль, А. де.* Старый порядок и революция / А. де Тарквиль – М.: Моск. философский фонд, 1997. – 473 с.
3. *Ревуненков, В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 2-е изд. В.Г. / В.Г. Ревуненков. – Л.: Изд. Ленингр. унив., 1989. – 647 с., *Ревуненков, В.Г.* Парижские санкюлоты эпохи Великой Французской революции / В.Г. Ревуненков – Л.: Изд. Ленингр. унив., 1971. – 435 с.
4. *Одинцов, М. И.* Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 325 с., *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
5. *Навіцкі, У. І.* Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30 - я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
6. *Кривонос, Ф.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917-1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск: 2007. – 239 с.
7. *Протько, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протько. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.
8. *Круглов, А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии / А.А. Круглов – Минск: Беларусь, 1989. – 328 с., *Корзун, М. С.* Русская православная церковь. 1917-1945 годы / М. С. Корзун. – Минск: БГУ, 1987. – 112 с., *Янушевич, И.И.* Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917-1928) / И.И. Янушевич – Минск: БГУ, 2005.- 143 с.
9. *Смоленский, Н.И.* Терория и методолгия истории / Н.И.Смоленский. – М.: Академия, 2007. – 272 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – Т. 1. – 412 с.

11. *Левандовский, А.П.* Максимилиан Робеспьер / А.П. Левандовский. – М.: Зевс, 1997. – 443 с.
12. *Карташев, А.* Церковь и государство / А. Карташев. – YMGA-PRES, 1932. – 87 с.
13. *Бухарин, Н.* Азбука коммунизма / Н. Бухарин. – Самара: 1920. – 43 с.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-198) – 9-е изд. доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – 367 с.
15. *Никольский, Н. М.* История русской церкви / Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 540 с.
16. *Поспеловский, Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
17. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 – Оп. 7. – Д. 168.

И.И. ЯНУШЕВИЧ

**Проблемы революционного террора по отношению к религии и церкви
(из опыта Французской и Октябрьской революций)**

Анализируются изменения конфессиональной ситуации во Франции и Российской империи после революций 1789-1799 гг. и 1917 г. Рассматриваются вопросы взаимоотношений органов государственного управления и религиозных организаций.

I.I. YANUSHEVICH

**Revolutionary terrorism problems in respect to religion and church (based on
the analysis of the French and October revolutions)**

The changes in the confessional situation after the French revolution of 1789-1799 and the Russian Empire Revolution of 1917 are analyzed. The relations between governmental bodies and religious organizations are considered.